

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщѣе и отверзется. I.—2) Опроверженіе ложнаго извѣстія.—3) Состояніе Н. Г. Чернышевскаго (корреспонденція «Вольнаго Слова»).—4) Документъ относительно жепскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ.—5) Земскій голосъ изъ недавняго времени.—Отъ редакціи.—Ближайшія задачи земства.—6) Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. V. З. С.—7) Польскій проэктъ все-російской политической реформы. (Окончаніе). X. С.—а.—8) Кладезъ оффиціальной учености (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова). П. С.—9) Рабочій день и фабричное законодательство. (Окончаніе). В. Г.—10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева.

ЖЕНЕВА 1 марта 1883 г.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи «Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статья доказываетъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, — а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 №-рѣ, при началѣ печатанія названной статьи, мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, — а именно на ихъ исключительную «хозяйственную» постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на несобезначеніе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ «Земскій голосъ», который читатель найдетъ въ настоящемъ №-рѣ. «Голосъ» этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нѣмѣшніе земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но все таки единственныя въ Россіи всесоюзныя представительныя собранія, «базисомъ» для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ приемовъ подобной агитаціи, между прочимъ и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно — необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, — откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Въдѣ земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальныя, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство: — чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть къ надеждѣ, что эти послѣдніе вдругъ, ни съ того — ни съ сего, измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на великіе лады представителями правительства, что реформа и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, — не смотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ морчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но, обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной инициативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи*). Большие всего инициативы правительство, иначе Александръ II, обнаружало въ реформѣ крестьянской. На сколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секретъ личной жизни династии Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ, выступилъ противъ инвентарныхъ проэктвъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II, по его приказанію былъ изданъ Мпп. Вп. Дѣлъ циркуляръ, заявившій волю государя «ненарушимо охранять права, вѣщественными его предками дарованныя дворянству» (20 авг. 1855 года). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.), Александръ II произнесъ извѣстный слова московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу».

Что произвело подобную перемену въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора В. Кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмигѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кievскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабыя, чтобы непосредственно заставить власть припяться за реформу, но которые, при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

*) Вообще не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его инициативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ годовъ, между прочимъ и въ виду страннаго приѣма, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ приемомъ? Общество же этимъ не подвигнется.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

пользы крестьянамъ, послужили только къ раздѣленію образованныхъ классовъ въ Россіи и къ спасенію принципа царскаго произвола, который всегда въ Россіи былъ опорою притѣсненія барскаго и произвола чиновническаго. Тонкій же расчетъ подрѣзаетъ частными реформами проиловъ бюрократическій внизу, не затронувъ царскаго самодержавія наверху и даже склонивъ его самое къ уничтоженію бюрократіи, какъ элемента, раздѣляющаго населеніе отъ царя, (слова «средостѣпіе» тогда не было еще, кажется, выдуманно, — по фразеологіи на тему единенія царя съ народомъ безъ посредства бюрократіи процвѣтала и тогда въ изобилии), — былъ порванъ жизнью, какъ всё тонкости. Всѣ реформы «освободительнаго періода» правленія Александра II не только не отменили бюрократическаго произвола, ни сократили бюрократическаго вмѣшательства въ народную жизнь, но даже расширили послѣднее. Все, что сдѣлали онѣ, — ограничилось созданіемъ нѣкотораго простора и кадровъ для проявленія общественной инициативы рядомъ съ бюрократическими воздѣйствіями. И этимъ Россія обязана, главнымъ образомъ, той общественной противу бюрократической агитаціи, которая была все таки довольно сильна въ к. 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ.

Эта агитація не только подвинула правительство къ тогдашнимъ реформамъ, но заставляла его обѣщать (искренно или неискренно) и дальнѣйшія реформы, не исключая и политической. Польское движеніе, — прогрессивное и полезное, пока оно проявлялось преимущественно въ чисто польскихъ земляхъ и не перешло въ вооруженное покушеніе на земли, въ которыхъ масса народа знаетъ не хочетъ польскаго государства и даже ненавидитъ его, — служило поддержкой политическому движенію въ остальной Россіи. Подъ вліяніемъ давленія обонхъ движеній правительство дѣлало намеки на свою готовность къ политическимъ реформамъ, начиналъ съ созванія, хотя бы совѣщательнаго только, представительнаго собранія. Отвѣчая на петербургскій адресъ 17 апрѣля 1863 г., Александръ II сказалъ, что призоветъ представителей населенія къ участию въ государственной жизни, когда найдется для того благоприятный моментъ. За тѣмъ, такъ какъ о необходимости такого призванія были заявленія въ нѣкоторыхъ адресахъ, поданныхъ по поводу политическаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ (болѣе ясно въ адресахъ тверскомъ и костромскомъ), — то правительство тѣмъ болѣе не могло упорно стоять за statu-quo даже въ политическомъ вопросѣ. Въ 1863 г. оно созвало финляндскій сеймъ, и въ труппой рѣши по этому поводу царь выразился сочувственно «о свободныхъ учрежденіяхъ въ рукахъ народа мудраго». Положеніе о земствѣ, судебныя уставы 1864 г., ослабленіе цензуры по правиламъ 1865 г., — были плодомъ на правленія, принятаго правительствомъ, подъ давленіемъ вышеупомянутой агитаціи. И если эти реформы — уступки были невелики, если лучшая изъ нихъ, судебная, не сопровождалась отменою тайнаго суда III-го стѣпенія, на которую намекали «Основные

Положенія о судебномъ преобразованіи», изданныя правительствомъ въ концѣ 1862 г., — то только потому, что общественная агитація въ пользу общей политической реформы не была и тогда достаточно сильною. Какъ же только и такая агитація затихла, — такъ и остановились, а затѣмъ начали подвергаться искаженію и данныя частныя реформы.

Въ слѣдующій разъ мы рассмотримъ положеніе дѣлъ, которое создалось въ Россіи во время затишья и потомъ пробужденія общественнаго толченія въ правительственную дверь.

Опроверженіе ложнаго извѣстія. Появившееся въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе о самоубійствѣ въ Петербургѣ молодого человѣка, будто бы назначеннаго убить царя во время коронаціи, — мы имѣемъ достаточныя основанія признать вымышленнымъ.

Состояніе Н. Г. Чернышевскаго. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Намъ пришлось побывать близко около мѣстъ, гдѣ томится въ неволѣ Н. Г. Чернышевскій, приходилось говорить съ людьми знакомыми съ Н. Г. и близко къ нему представленными. Думаемъ, что сообщенныя намъ свѣдѣнія о Н. Г. будутъ интересны и для русской публики. Не утѣшительныя свѣдѣнія! Живетъ Н. Г. въ г. Вилюйскѣ, Якутской области, въ особо устроенной для него тюрьмѣ, охраняемой жандармомъ и нѣсколькими козаками. Днемъ Н. Г. можетъ гулять по городу и бывать у обывателей, почевать же обязательно долженъ въ тюрьмѣ, запертой на-глухо и охраняемой ревниво козаками и жандармомъ.

Страшники рассказываютъ, что Н. Г. не безъ странностей; — такъ, съ постели Н. Г. не встаетъ до тѣхъ поръ, пока жандармъ не скажетъ, что уже 12 ч., пора вставать; вставши, Н. Г. надѣваетъ неизмѣнный свой халатъ и онысывается такъ: привязываетъ одинъ конецъ пояса къ скобѣ двери, а другой беретъ въ руку и начинаетъ крутиться, пока не дойдетъ до скобки, тогда отвязываетъ веревку (поясъ) и связываетъ концы; — то же самое дѣлаетъ съ веревкой и мыломъ(?) во время купанья. На прогулкѣ беретъ съ дороги камешки, бросаетъ ихъ черезъ голову, а на другой день ищетъ этихъ камешковъ. Разъ шель онъ вмѣстѣ съ своимъ стражникомъ жандармомъ; Н. Г. поднялъ съ земли какого то жучка; разговорились съ жандармомъ; вдругъ Н. Г. вздохнулъ, остановился и съ сожалѣніемъ началъ говорить о томъ, что жукъ не вернется теперь на прежнее мѣсто и что необходимо отнести его; — вернулись и положили тамъ, гдѣ взяли. Лѣтомъ нѣрѣдко останавливается Н. Г. у ручейка, сдѣлаетъ маленькую гать и готовъ на этомъ мѣстѣ сидѣть цѣлый день, если бы не пришли за нимъ стражники.

Н. Г. очень мало ѣстъ и вообще замѣчательно воздержанъ въ жизни. Куритъ низшаго сорта табакъ. Одинъ разъ выпилъ у Н. Г. табакъ низшаго сорта. Н. Г. отправился къ своему знакомому въ городъ попросить въ займы табакъ; — знакомый предложилъ ему прекраснаго табакъ и сигары. Н. Г. пошелъ въ свою тюрьму, взялъ тамъ двѣ коробки прекраснаго табакъ еще неначатая и лежащая уже нѣсколько лѣтъ, — этимъ табаккомъ угостилъ своего знакомаго и объяснилъ, что не куритъ такого табакъ потому, что боится большихъ расходовъ.

Н. Г. очень много читаетъ; у него въ тюрьмѣ порядочная научная и журнальная библиотека; очень много и пишетъ, но написанное сжигаетъ и сжигаетъ потому, что нигде не позволяютъ посылать написаннаго.

До послѣдняго времени Н. Г. не позволяли

читать газетъ, такъ что занятіе это приходилось дѣлать украдкой.

Въ апрѣлѣ 1881 года мы видѣли въ Якутской почтовой конторѣ на имя Н. Г. «Порядокъ» и «Вѣстникъ Европы»; — тогда намъ говорили, что теперь разрѣшено Н. Г. читать и газеты. Само собою разумѣется, что письма и даже газеты проходятъ черезъ Якутскую, къ слову сказать, очень тупоумную цензуру.

Вотъ, главнымъ образомъ, и все, что намъ пришлось слышать о Н. Г. Еще одно. Всѣ стражники относятся съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ Н. Г. Одинъ изъ стражниковъ, жандармъ, пробывши въ Вилюйскѣ свой годовой срокъ, пренебрегъ командировкой на золотые пріиски и попросился у своего начальства еще на годъ въ стражники къ Н. Г., съ цѣлью выучиться хорошо грамотѣ и вообще «поучиться многому у ученаго и честнаго человѣка», какъ говорилъ жандармъ.

Въ судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго очень интересенъ слѣдующій вопросъ: на какомъ основаніи, по какому закону удержатъ Н. Г. въ тюрьмѣ, по какому закону онъ лишентъ поселенческихъ правъ?

Вѣдь по закону Н. Г. имѣетъ право свободнаго прожительства во всей Якутской области, если не во всей Восточной Сибири! Можно говорить словами просьбы о помилованіи Н. Г., по пора сказать и словами требованія о нарушеніи закона по отношенію къ Н. Г. Чернышевскому.

ДОКУМЕНТЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕНСКИХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ КУРСОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Отъ редакціи «В. Слова». Печатаемъ этотъ документъ потому, что онъ не былъ до сихъ поръ опубликованъ въ Россіи, хотя сущность второй его половины и появилась во многихъ русскихъ газетахъ, какъ вѣсть о томъ, какъ предполагено поступить съ жепщинами, уже окончившими эти курсы или въ нихъ зачисленными. Въ этомъ отношеніи документъ слѣдуетъ общему правилу о неотъемлемости разъ дарованныхъ правъ. Но изъ начала нашего документа можно видѣть, что образована была коммиссія, которая должна была разсмотрѣть вопросъ будущаго положенія женскихъ курсовъ, подлежащихъ упраздненію при Ник. Военномъ Госпиталѣ, — и вотъ на этотъ вопросъ бумага М. В. Д., очевидно игравшаго первую роль въ этомъ дѣлѣ, не даетъ прямого отвѣта. Въ цѣломъ своемъ видѣ эта бумага показываетъ намѣреніе замѣять вопросъ о курсахъ вопросомъ объ окончившихъ ихъ уже или принятыхъ на нихъ личностяхъ, — что не показываетъ въ авторѣ сего писанія большой мудрости даже канцелярской.

Мин. Вн. Д. Департам. Медіц. Отд. II. Столъ I. 13-го Января 1883 г. № 5. По Высочайшему повелѣнію.

Г. Военному Министру.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему журнала особаго совѣщанія по вопросу о женскомъ врачеб. образованіи, происходившаго по Высоч. повелѣнію 4 декабря 1882 года подъ моимъ предѣлительствомъ въ присутствіи Вашего Высочайшества, Министра Народн. Просвѣщ., Главн. Управляющ. С. Е. И. В. Канцеляріи по Учрежд. Императр. Маріи и Оберъ-Прокурора Св. Синода и особаго мнѣнія по сему вопросу Статс-Секретаря Грота, въ 4-ый день сего января, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизволилъ окончившимъ и имѣющимъ окончить ученіе на существующихъ нынѣ и подлежащихъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 5 августа 1882 года упраздненію женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ Воен. Госпиталѣ сохранить со-

гласно прежнимъ о нихъ распоряженіямъ право носить нагруд. знакъ съ лит. ЖВ. и предоставить имъ слѣдующія права и льготы: 1. Удовлетв. окончившія эти курсы имѣютъ право на званіе ученой акушерки. — 2. Имъ предоставляется свободная практика по приглашенію желающихъ пользоваться ихъ софѣтомъ, но не присваивается право на государственную службу по врачебной части, ни по исполненію обязац. врачей въ присут. по отбыв. воин. повинности и судебно-медиц. экспертизы, ни по завѣдыванію общими больницами и дежурствами въ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ освобождаются отъ отвѣтственности по ст. 114 Уст. Врач. т. 13 С. 3. и ст. 325, 326 У. У. С. т. 15 за неявку по требованію больныхъ для подавн. помощи и суд. учрежд. для медиц. экспертизы. 3. Въ качествѣ специалистовъ по дѣтскимъ и женскимъ болѣзнямъ имъ присваивается право занимать должности при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пріютахъ и т. п. женскихъ воспит., богоугодн. и учебныхъ учрежденіяхъ, а также специальныхъ женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогат. заведенійхъ. 4. Имена окончивающихъ эти курсы на основаніи ст. 128 У. Врач. т. 13 Свод. Зак. записаны въ русскій медицинскій списокъ лицъ, имѣющихъ право выписывать изъ аптекъ спльно дѣйствующія средства.

О каковой Высочайшей волѣ сообщая Вашему Высоч. пр., имѣю честь покорнѣе просить Васъ, М. Г., сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Мед. Департаментъ вѣреннаго мнѣ Минист. свѣдѣнія объ именахъ лицъ удовлетв. окончившихъ и имѣющихъ впредь окончить курсъ въ Ник. Военномъ госпиталѣ для установленія согласно ст. 128 У. В. надлежащаго порядка въ производствѣ ими врачебной практики.

Подписалъ Д. Толстой. Скрѣпилъ Директоръ Мамоповъ. Вѣрно Фрей.

ЗЕМСКИЙ ГОЛОСЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ВРЕМЕНИ.

Отъ редакціи «В. Сл.». Въ 1878 году, по случаю убійства ген. Мезенцева, царь обратился къ обществу съ приглашеніемъ помочь правительству въ борьбѣ съ «крамолой». Это обращеніе совпало съ началомъ политическаго броженія въ такихъ слояхъ общества, которые до тѣхъ поръ не были затронуты предшествовавшей революціонною пропагандой (тогда исключительно социалистическаго направленія) и которые, подъ вліяніемъ, между прочимъ, войны и ярко обнаружившихся ею недостатковъ политическаго строя въ Россіи, стали задумываться о необходимости измѣненія этого строя на болѣе свободныхъ началахъ. Въ то же время въ самихъ революціонно-социалистическихъ кругахъ начинался поворотъ къ мысли о политической свободѣ, какъ о первой необходимости для населенія Россіи. Время это было такимъ образомъ психологич. точкою того политическаго движенія, какое теперь можно считать господствующимъ во всѣхъ слояхъ мыслящаго общества въ Россіи. Начало движенія этого проявилось, между прочимъ, хотя и очень несовершенно, и въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ дворянскихъ и земскихъ собраній на вышеупомянутое обращеніе правительства. Въ числѣ этихъ отвѣтовъ болѣе другихъ политическаго такта и смѣлости обнаружилъ отвѣтъ черниговскаго земства, приготовленный въ 1879 г. Онъ былъ напечатанъ въ Россіи, только въ приб. къ «Землѣ и Волѣ» и, кромѣ того, пропикъ въ заграничную печать. Между прочимъ онъ былъ набранъ въ одной брошюрѣ, которая должна была

выйти въ Львовѣ, въ Галиціи, съ предисловіемъ въ видѣ статьи «Ближайшія задачи земства», писанной, какъ видно изъ словъ автора его, лицомъ, «близко стоящимъ къ земскому дѣлу». Одно-временно съ тѣмъ, тамъ же печатались брошюры: «Мартовское движеніе студентства Кіевского университета въ 1879 г.» и «Русская молодежь, правительство и общество», — съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета и доклада совѣта С. Петербургскаго университета. Но изъ этихъ брошюръ только «Мартовское движеніе» выпущено было въ свѣтъ. Остальныя двѣ были задержаны австрійскимъ правительствомъ, которое въ это время арестовало директора типографіи по дѣлу предполагаемаго социалистическаго заговора въ Краковѣ. Хотя, спустя нѣсколько времени, директоръ и былъ освобожденъ и хотя, по нашему мнѣнію, не было невозможности истребовать у австрійской полиціи изданіе задержанныхъ брошюръ, — совершенно не противныхъ австрійскимъ законамъ, — но тѣмъ не менѣе названныя брошюры и до сихъ поръ пребываютъ подъ судомъ, если уже не уничтожены. Хотя также остановка, по чисто случайной причинѣ, печатанія очевидно систематически задуманныхъ публикацій не говоритъ въ пользу энергій лицъ, предпринимавшихъ эти публикаціи, но все таки этотъ опытъ не долженъ быть пройденъ молчаніемъ въ виду другихъ признаковъ начала того политическаго движенія, которое теперь нарастаетъ въ Россіи, — и такъ какъ нѣкоторыя мысли статьи «Ближайшія задачи земства» не утратили еще интереса и теперь, то мы и сочли нелишнимъ перепечатать ее на страницахъ «Вольнаго Слова» съ единственнаго, доставшагося намъ экземпляра, — во первыхъ, какъ документъ, во вторыхъ, какъ одинъ изъ земскихъ голосовъ, который предназначался для публичнаго обсужденія.

Ближайшія задачи земства.

Послѣдніе три года сдѣлали намъ, русскимъ, свидѣтелями такихъ событій внутренней жизни Россіи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе. Послѣ блестящихъ реформъ начала пятидесятиго царствованія, съ середины шестидесятихъ годовъ наступила реакція. Русское общество, не привыкшее къ бодрости мысли, охотно пошло назадъ къ тому положенію опеки, изъ которой оно только что, казалось, выпло. Началась перекройка на старыи ладъ новыхъ реформъ и среди общества не нашлось жслаія противодействовать этому. Получивъ все новое сверху, общество естественно не дорожило подачкой. Повидимому, оно уснуло, вѣруя въ безграничную силу правительства и въ его заботливость о благѣ общественномъ. Поэтому интеллигентное русское общество было не мало удивлено, когда узнало въ началѣ семидесятихъ годовъ о движеніи молодежи въ народѣ. А между тѣмъ, начавшееся среди молодежи движеніе росло. Правительство само раздувало его, создавая колоссальныя процессы и принимая самыя варварскія мѣры относительно лицъ, въ чемъ нибудь подозрѣваемыхъ. Ссылки усилились вмѣстѣ съ ихъ жестокостью. На нашихъ глазахъ проиш: процессы московскихъ социалистовъ, процессы казанской демонстраціи, процессы 193-хъ, затѣмъ намъ же пришлось видѣть покушеніе на жизнь Тренина, вооруженное сопротивленіе Ковальскаго, его казню; убійство Мезенцева и барона Рейкнига. Наконецъ, въ эту минуту мы слышимъ объ убійствѣ князя Краюткина и о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ. Это событія, извѣстныя всей Россіи. А сколько же проишло такихъ, которыя скрыты правительствомъ отъ общества и извѣстны лишь въ не-

большомъ районѣ? Не смотря, однако, на то, что общество было непосредственно затронутосово во всѣхъ этихъ событіяхъ, оно осталось безучастнымъ и лѣнливымъ зрителемъ. Трудно сказать, что въ этомъ случаѣ вліяло: спячка-ли, страхъ-ли передъ правительствомъ или, наконецъ, социалистическая программа, поставленная партией движенія. Вѣрно, что двѣ первыя причины, такъ какъ третья не была достаточно ясно формулирована самими руководителями дѣла, а въ обществѣ она оставалась почти неизвѣстной.

Въ такомъ положеніи было дѣло до убійства генерала Мезенцева, когда правительство почувствовало всю силу маленькаго дѣвида. Оно растерялось и, сознавая въ своемъ безсиліи, настойчиво потребовало содѣйствія самого общества къ искорененію революціонной партіи.

Русское общество не поняло всей важности этого момента. Въ обществѣ не нашлось того чувства независимости, той любви къ свободѣ и того политическаго чутья, которыя подсказали бы, что слѣдуетъ дѣлать въ такую минуту. Поэтому правительственный призывъ вызвалъ не протестъ, а рядъ адресовъ пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ. Отцы, у которыхъ ежедневно вырываютъ дѣтей для медленной и ужасной казни, просятъ новыхъ казней надъ своими же дѣтьми за то, что тѣ рѣшили мстить своимъ назчамъ. Такого содержанія большинство адресовъ. Какое печальное явленіе! Но, что печальнѣе всего, такъ это то, что выразителями такихъ чувствъ русскаго народа явились его общественные органы — Земство и Государскія Думы. Извѣстно, что какъ первое, такъ и послѣднія заключаютъ въ себѣ достаточно интеллигентныхъ лицъ, которыя, будучи близко поставлены къ общественнымъ дѣламъ, основательно знаютъ положеніе народа и его нужды. Эти люди, вѣроятно, не разъ задумывались надъ бѣдностью и невѣжествомъ народа, надъ его беззащитностью, надъ произволомъ полиціи и администраціи, надъ невозможными налогами, надъ сносомъ ихъ взиманія; эти люди, конечно, пробовали уже что нибудь сдѣлать и убѣждались, что они безсильны, что и Земство и Думы въ захъ правительства и даже его шизмъ агентовъ представляютъ ничтожество, не заслуживающее какого-либо вниманія. Казалось, что эти люди должны бы воспользоваться благоприятной минутой, чтобы прямо и открыто сказать правительству: «Мы не станемъ спорить, вредна ли пропаганда революціонныхъ идей въ Россіи, но спросимъ лишь, какимъ орудіемъ ты приглашаешь насъ бороться съ ними. Революціонныя идеи распространяются печатью и живыми словами, хотя на эту печать и на это слово ты налагаешь наложить свою карающую руку. Мы же обезоружены тобою. Мы не имѣемъ свободы слова и науки, чтобы доказывать заблужденія и невѣрность доктринъ нашихъ противниковъ. Правда, ты охотно предоставляешь намъ доказывать это, но мы не можемъ и не хотимъ быть слѣпымъ орудіемъ твоихъ вѣднй; мы не можемъ бороться неравнымъ оружіемъ и всегда будемъ почитать, что нашимъ противникамъ грозитъ